

Раньше Сиен был один. Что бы о нём ни говорили, как бы злобно ни сплетничали, максимум, на что они могли рассчитывать — это холодное «проваливайте» в ответ. И дело было не в том, что он не хотел с ними связываться, а в том, что он попросту не считал их достойными своего внимания. Но теперь всё изменилось: с ним пришёл Сяо Чэньи. Каким бы ни был авторитет этого кронпринца, он оставался наследником империи. Ссориться с ним в открытую никто не хотел, и минимальное уважение всё же следовало проявить. К тому же, по правде говоря, именно люди из семьи Жунъя первыми начали вести себя неподобающе и распускать грязные слухи. А учитывая ледяную ауру, которую излучал Сиен, только что вернувшийся с поля боя, уступить ему было самым разумным решением. В конце концов, ещё будет время, чтобы прижать его к ногтю, зачем же спешить?

Под успокаивающим взглядом Сиена Андо сделал шаг назад, но продолжал смотреть на подошедших с нескрываемой неприязнью, думая про себя: один — урод, другой — никчёмный отброс, рано или поздно я заставлю их поплатиться. От этой мысли на душе стало немного легче.

В гостиной семьи Жунъя собрались младшие представители рода, ровесники Сиена, поэтому их главенствующий, Кол, стал официальным представителем, призванным поприветствовать Сиена и Сяо Чэньи.

Он вышел вперёд и с безупречной вежливостью произнёс:

— Только что мы, младшие, немного поболтали о недавних событиях в Облачной сети. Брат Андо, возможно, выразился излишне резко, мы не заметили, как вы пришли. Надеюсь, Ваше Высочество кронпринц и брат Сиен не станете принимать это близко к сердцу.

Подтекст его слов был очевиден: мы всего лишь дети, немного поболтали за спиной, но мы же ещё маленькие. Это было сродни тому, как если бы кто-то сказал: «Я с тобой не дружу и не дам тебе конфетку, так что если ты обидишься — сам виноват, нечего было принимать всё всерьёз».

Сяо Чэньи, словно у себя дома, развалился на мягком диване. Он откинулся на спинку, небрежно раскинув руки по сторонам — поза напоминала ту, в которой он когда-то восседал на троне своей демонической секты, взирая на мир свысока. Услышав слова Кола, он приподнял бровь, и на его губах заиграла насмешливая улыбка:

— Отсюда до дверей всего ничего. Мы, живые люди, стоим прямо перед вами, а вы нас не видите? Вы что, ослепли?

Ван Юнь застыл. Ваше Высочество, а как же манеры? Где же ваша хвалёная выдержка? Что с вами случилось, почему вы сегодня так легко срываетесь?

Улыбка Кола дрогнула. Он чувствовал, что происходит что-то странное. Кронпринц всегда славился безупречным воспитанием: даже когда он видел поверженные меха, едва мог сдержать слёзы, а если его называли никчёмным в лицо — просто опускал голову и уходил. Что с ним сегодня? Почему он ведёт себя так грубо и непредсказуемо? Может, принял не те лекарства или последствия фронтовых ранений ударили в голову?

— Весь Звёздный Альянс знает, что у Вашего Высочества очень высокие требования к супругу. Тот факт, что вы заключили брак с братом Сиеном, не был нашим решением. Если вам не нравится этот союз, идите к Императору или моему деду и расторгните его. К чему здесь срывать на нас злость? Мы, конечно, не люди из императорского дворца, но и не позволим Вашему Высочеству поливать нас грязью, — громко заявил Андо, делая шаг вперёд.

С детства окружённый обожанием деда, в семье Жунъя он привык получать всё, что пожелает. Никто никогда не осмеливался так открыто проявлять к нему неуважение. Андо знал свои сильные стороны: изящные черты лица, тонкие брови — типичный миниатюрный омега, чей лёгкий хмурый взгляд мгновенно пробуждал в альфах желание защитить. Часто ему стоило лишь тихо проронить пару слов, чтобы добиться желаемого. И сейчас, когда он закончил свою речь, на лицах других младших членов семьи Жунъя появилось выражение полной солидарности.

Сяо Чэньи сидел, глядя на Андо, словно правитель, вззирающий на подданного. Он долго не сводил с него глаз. Надо сказать, внешность Сяо Чэньи была выдающейся: черты лица — воплощение красоты и порочности, а взгляд переливался, словно цветущий персик. Как бы Андо ни ненавидел его, под этим пристальным, почти влюблённым взглядом красивого альфы он невольно почувствовал смущение. Хотя в душе он и твердил, что этот человек — негодяй, который не может оторвать глаз от красоты, щёки Андо невольно залились краской.

В роскошной гостиной семьи Сиен атмосфера внезапно стала неловкой.

Сяо Чэньи, наблюдая за этой метаморфозой, нахмурился. Лицо у парня, конечно, смазливое, как у актёра, но от этой жеманности его просто воротило. Он перевёл взгляд на Ван Юня, который выглядел воплощением праведности:

— Это ещё кто?

Ван Юнь опешил, решив, что кронпринц решил окончательно унижить Андо. Он замялся и осторожно ответил:

— Это... это внук старого господина Жунъя. Кронпринц вернулся с фронта, наверное, многих уже не узнаете.

Последняя фраза была призвана напомнить всем, что Сяо Чэньи только прибыл с передовой и ещё не привык к столичной жизни. Но для человека, который всегда был крайне уверен в своей внешности и привык к поклонению, этот выпад был подобен падению астероида на столицу.

У Андо мгновенно покраснели глаза. Его душила обида, хотелось подбежать и влепить Сяо Чэньи пощёчину. Кол украдкой покосился на них, не говоря ни слова, но на его лице читалось возмущение и растерянность.

Из-за своего прошлого Сяо Чэньи больше всего на свете ненавидел таких вот лицемеров: внешне чистенькие «белые лотосы», а в душе — интриганы. Вид этого парня вызывал у него

тошноту:

— Мордашка противная, а душа ещё чернее. Такую черноту выверни — отравишься, если пожаришь. Сами все в белом, а других обвиняете в порочности? Как язык поворачивается? Есть старая поговорка: лучше разрушить храм, чем разбить союз. Тот, кто рушит чужую любовь, будет поражен небесной карой. Не делай другим того, чего не желаешь себе. Не хочешь, чтобы о тебе сплетничали — не начинай первым поливать других грязью. Впрочем, ты вряд ли поймешь эти истины. Позовите кого-нибудь поумнее, чтобы я мог с ним поговорить.

Голос его не был резким, скорее даже тихим, но ледяной тон и высокомерное выражение лица разили, как нож.

Ван Юнь мысленно сдался. Он уже не пытался спасти репутацию кронпринца, лишь решил, что по возвращении обязательно должен доложить Императору о случившемся и как можно скорее записать Его Высочество на курсы этикета.

Андо, привыкший лишь к похвалам, никогда не слышал в свой адрес таких ядовитых слов. Его тело задрожало, губы побелели, в ушах звенело. Он не знал, как ответить, и, когда Сяо Чэньи закончил, лишь ткнул в него пальцем, пролепетал что-то невнятное, а затем рухнул на пол и зарыдал в голос.

Сяо Чэньи холодно окинул присутствующих взглядом, глубоким, словно бездна, от которого у каждого пробежал холодок по спине.

В этот момент со второго этажа выбежал омега. Он подхватил Андо на руки и тоже заплакал. Это был по-настоящему нежный красавец, время почти не оставило следов на его лице, и слёзы лишь делали его более трогательным. Двое плачущих красавцев могли растопить любое сердце.

— Что здесь происходит? Кто посмел так дерзко обидеть нашего Андо? — раздался с лестницы властный голос. Сяо Чэньи лениво приподнял веки, бросил взгляд и снова отвернулся, даже не пошевелившись. Таких людей, которые притесняют слабых, но боятся сильных, он видел сотни — ничего удивительного.

За исключением Сиена, младшие члены семьи Жунъя переглянулись и почтительно опустили головы, ожидая, пока люди со второго этажа спустятся вниз.

Пришедшими оказались нынешний глава семьи Жунъя — дед Сиена — и отец Сиена — Сорен.

Как только они спустились, омега-родитель Андо, рыдая, прижался к отцу:

— Отец, ты должен заступиться за Андо!

Дед Сиена посмотрел на внука:

— Сиен, что здесь происходит? Почему, едва вернувшись, ты устроил такой переполох?

Сяо Чэньи, услышав, что всю вину пытаются свалить на Сиена, остался недоволен:

— Спрашивайте у того, кто плачет. Какой смысл спрашивать у него?

Дед Сиена наконец соизволил обратить внимание на Сяо Чэньи. Он холодно произнёс:

— Не знал, что кронпринц здесь, прошу прощения. Но это семейное дело. Если у Вашего Высочества больше нет вопросов, старик не будет задерживать вас на обед.

— Если бы я не был женат на Сиене, мне бы и подавно не было дела до ваших семейных дразг, — Сяо Чэньи лениво откинулся на спинку дивана. — Господин, вы ведь человек разумный. Чтобы понять, что произошло, нужно сначала выслушать обе стороны. А обвинять кого-то с порога и валить всё на других — не лучший способ вести дела.

— Ваше Высочество, даже если вы вступили в брак с моим сыном, Сиен всё ещё остаётся частью нашей семьи Жунъя. Что означают ваши слова? Неужели вы планируете лишить Сиена связи с родными? — вступил в разговор отец Сиена. Он попытался изящно увести разговор от несправедливости деда, но в его тоне сквозило неприкрытое презрение.

У Сяо Чэньи в жизни было две ненависти: первая — к тем, кто убил его отца и оскорбил мать; вторая — к тем, кто ведёт себя более нагло, чем он сам.

Первую ненависть он уже перерос, а вот вторая должна была с ним остаться надолго. Он с любопытством посмотрел на отца Сиена:

— Вы человек старший, и я не стану спорить с вами о воспитании детей. Но я не могу молчать. Вы можете презирать меня — это ваше право, но не смейте презирать мою супругу. Он ведь тоже из вашей семьи, не так ли? То, что вам не нравится моё лицо — пустяки, у меня есть Император, отец, и если вы не хотите проявлять уважение ко мне, должны проявить его к нему. Называть меня никчёмным отбросом... я человек терпеливый и не стану сводить счёты. Но называть мою супругу уродом... как мужчина, я проявил милосердие, не влепив ему пощёчину.

Сяо Чэньи почти открыто обвинил отца Сиена в неуважении к императорской семье и готовности пойти на разрыв. Мол, я даю вам шанс, но не пытайтесь играть с огнём.

Даже если у отца Сиена и возникла мысль уничтожить этого кронпринца, сейчас он мог лишь отрицать всё.

Его лицо изменилось, он хотел что-то сказать, но дед Сиена холодно перебил:

— Ваше Высочество, вы преувеличиваете. Семья Жунъя предана Императору и империи. Если кто-то из нас действительно оскорбил вас словами, я лично принесу извинения.

— Значит, теперь вы готовы разобраться в ситуации? Надеюсь, на этот раз никого не оклеветают, — Сяо Чэньи поднялся, улыбаясь с невероятным изяществом. — Конечно, расследование займёт время. Что ж, я не спешу, но у меня есть совет для вас, господин.

В этот момент Андо вырвался из объятий родителя и зарыдал ещё горше:

— Дедушка, кронпринц просто злоупотребляет властью! Если ты не заступишься, как мне теперь смотреть людям в глаза?

— Да, отец, — вторил ему родитель Андо, — разве ты не знаешь, какой Андо? Дома он никогда не терпел таких обид...

— Вот именно об этом я и говорю, — Сяо Чэньи с улыбкой прервал их жалобы. — Нужно знать своё место. Нельзя жить в чужом доме, вести себя как хозяйка и строить из себя принцессу — так недолго и навлечь на себя ненависть. Этот так называемый «внук»... в конце концов, он всего лишь пришлый. Не умеет вести себя тише воды, ниже травы, слишком избалован. Люди могут молчать в лицо, но что будет, если однажды тот, на кого вы полагаетесь, исчезнет, и вас выставят за дверь? Будет очень некрасиво.

— Что вы имеете в виду? Я родился в семье Жунъя, это мой дом, разве я не могу здесь жить? — гневно воскликнул родитель Андо, глаза его наполнились слезами. Даже в гневе этот красавец выглядел настолько хрупким, что казалось, будто это его все обижают.

Сяо Чэньи вдруг «осенило»:

— Я не называл имён. Просто считаю, что воспитание должно быть правильным. Вы — член этой семьи, живите сколько хотите, а что там говорят о «выданной замуж дочери» — неважно. И фамилия того, кто у вас на руках, тоже не имеет значения, пока господин здесь, никто слова не скажет. Я вижу, как сильно вы и ваш внук любимы господином — даже больше, чем его собственные внуки. Кто знает, может, вся семья Жунъя скоро перейдёт к вам? Тогда и бояться нечего. Я просто беспокоюсь напрасно.

Ван Юнь, глядя на воцарившуюся в гостиной гробовую тишину, сглотнул и сделал шаг вперёд. С видом человека, идущего на эшафот, он обратился к Сяо Чэньи:

— Ваше Высочество, звонок от Императора. Он ждёт вас к ужину, если вернётесь поздно, всё остынет.

«Боже, если дать кронпринцу говорить дальше, мы сегодня не выйдем отсюда живыми. Вы посмотрите на лица всех присутствующих, кроме генерала Сиена! Даже старый господин позеленел от ярости. Не удивлюсь, если он сейчас прикажет охране достать лазерные пушки и расстрелять кронпринца за то, что тот сорвал с семьи Жунъя маску приличий».

Сяо Чэньи, решив пощадить Ван Юня, кивнул. Затем он повернулся к Сиену:

— Супруг, раз ты навестил дом, поехали со мной во дворец ужинать. — В его взгляде читалось:

«Я волнуюсь, что ты останешься в таком месте один».

У Сиена от слова «супруг» покраснели кончики ушей, но лицо осталось невозмутимым:

— Завтра мне нужно отчитаться в военном ведомстве, не хочу беспокоить Императора и кронпринца.

— Понятно, — кивнул Сяо Чэньи, бросил взгляд на Ван Юня и неспешно покинул дом. Его спина выглядела настолько вызывающе и высокомерно, что у всех присутствующих закипала кровь.

Как только императорский гравикар скрылся из виду, дед Сиена с помощью ментальной силы разнёс в щепки огромные вазоны с цветами, стоявшие в гостиной.

Сиен, не опуская глаз, повернулся и направился к лестнице.

— Сиен, тебе нечего сказать по поводу сегодняшнего дня? — спросил дед, глядя ему в спину.

Сиен остановился и холодно ответил:

— Я уже говорил, что не хочу, чтобы мой брак использовали как инструмент. Кажется, дедушка забыл.

Он поправил фуражку и продолжил путь. Его голос, чистый, как журчание горного ручья, звучал очень приятно, но деда Сиена это лишь ещё больше разозлило.

Когда Сяо Чэньи вернулся во дворец, никто не ждал его к ужину. Он посмотрел на Ван Юня — честно говоря, он был голоден. Ван Юнь спокойно встретил его взгляд, и тут же подошёл дворцовый робот с питательным набором.

В императорском дворце это стало привычкой. Раньше Сяо Чэньи не любил есть со всеми, а после того как поступил на факультет садоводства в Императорскую военную академию, и вовсе перестал появляться на общих трапезах. Жил в общежитии, приезжал только на каникулы. Привычка избегать совместных обедов с семьёй осталась. К еде он был равнодушен, поэтому часто для него просто готовили питательные смеси.

Сяо Чэньи уже пробовал эту смесь на корабле «Преследователь» — вкус был отвратительный. Но в жизни он переживал и худшие времена, бывало, днями сидел без еды, так что мог съесть что угодно, не моргнув глазом. Позже, когда он сам стал распоряжаться своей судьбой, он полюбил изысканные блюда. В его демонической секте лучше всего жилось поварам: за вкусную еду он не жалел золота. А если оказывался в дикой местности, готовил сам — он был человеком дотошным, и еда у него получалась отменная.

Сяо Чэньи посмотрел на Ван Юня:

— Пусть принесут еду в мою комнату.

Ван Юнь удивлённо посмотрел на кронпринца. Зачем такие сложности? Но спрашивать не стал, лишь кивнул роботу-слуге.

Сяо Чэньи впервые заметил, что робот двигается и говорит. Это было удивительно, но после всего пережитого он уже ничему не удивлялся.

Он вернулся в комнату, оставил там безвкусную еду и на вопрос робота «нужны ли ещё услуги» ответил «нет».

Поев, Сяо Чэньи лёг на кровать и закрыл глаза, но не спал — он погрузился в Облачную сеть. Это была удивительная вещь, вмещающая в себя всё. Он жадно впитывал информацию, но разница в культурах была огромной — за одну ночь всё не охватить. Однако основы он усвоил, и теперь хотя бы понимал, как себя вести.

Он никому здесь не доверял. Полагаться можно только на себя. Возможно, из-за тяжёлого ранения никто не заметил в нём перемен, или же их предубеждения не давали им заподозрить подвох. Но Сяо Чэньи понимал: если он быстро не адаптируется, его рано или поздно разоблачат и сожгут как демона.

К тому же, после той инъекции на корабле, токсины в его теле, казалось, исчезли. Теперь он был просто хрупким, но здоровым, и решил с завтрашнего дня начать тренировки, чтобы поскорее восстановить свои боевые навыки.

Он долго бродил по просторам сети и не заметил, как заснул.

Спал он крепко, но на следующее утро, после завершения утреннего заседания Совета империи, в финансовом департаменте Верхней палаты царил хаос: никто из семьи Жунъя, отвечающей за финансы, не явился на встречу. Чиновники пытались связаться с ними, но их личные коммуникаторы молчали. Пришлось звонить на общий номер дома, где слуги сообщили, что старый господин Жунъя плохо себя чувствует и вся семья отправилась в Первую императорскую больницу на обследование. Когда кто-то из чиновников начал допытываться, почему же старик внезапно заболел, ведь он всегда отличался крепким здоровьем, тот, кто отвечал на звонок, запинаясь, рассказал о визите кронпринца накануне вечером.

<http://bllate.org/book/20177/2010037>